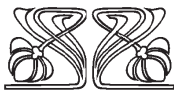
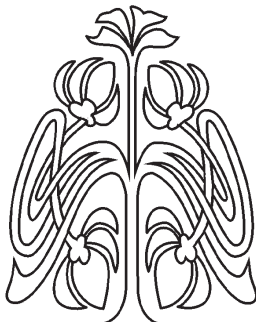
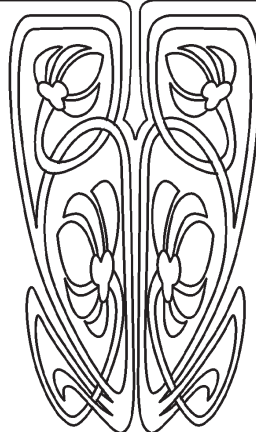

ПРАВО

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

УДК. 342.571

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ НАРОДА

Т. А. Дураев

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного
и муниципального права,
Саратовский государственный университет
E-mail: taulan-d@yandex.ru

Н. В. Тюменева

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории
государства и права,
Саратовский государственный университет
E-mail: tumeneva82@mail.ru

Введение. Стабильное развитие России как многонационального демократического государства требует не только рассмотрения особенностей народа как историко-культурной общности людей, проживающей на одной территории, но и определения его конституционно-правового статуса как субъекта властеотношений. **Цель.** Основной целью работы является обоснование правосубъектности народа как обладателя установленных законом мер поведения и участника урегулированных нормами права общественных отношений. **Результаты.** Рассмотрено содержание и объем исключительной конституционной правосубъектности народа как особого коллективного субъекта. Наличие свойств право- и дееспособности позволяет народу быть не просто субъектом права, но и участником конституционных правоотношений. В этой связи рассмотрены формы реализации конституционной правосубъектности народа в рамках конкретных правоотношений, а также опосредовано, через различные социально-политические институты. **Выводы.** Авторы приходят к выводу о необходимости конкретизации конституционно-правового статуса народа.

Ключевые слова: конституционное регулирование национальных отношений, субъект конституционных правоотношений, народовластие, права народа, конституционный статус народа, правосубъектность народа.

Введение

Возрастание социально-политической активности различных коллективных общностей (этнических общностей, наций, коренных народов и пр.) и непосредственное влияние их на геополитику, а также участвовавшие во всем мире этнические конфликты и движения за независимость обуславливают необходимость рассмотрения таких образований. Закономерным является возросшее внимание к статусу народа не только как к феномену социально-политической реальности, но и как к объекту научно-теоретического осмысления. Во-первых, народ, являясь источником государственной власти, формализует и легитимизирует ее [1, с. 77], а также выступает в качестве основы государственной деятельности [2, с. 301].

Во-вторых, новейшие исследования свидетельствуют об определенных сложностях использования частноправовых субъектов (физических и юридических лиц) в публичных правоотношениях,

поэтому в отраслевых юридических науках наметилась устойчивая тенденция к «созданию» своих собственных отраслевых субъектов права [3, с. 3]. И ведущая роль в конституционном праве должна отводиться народу как создателю конституции, источнику государственной власти. Наконец, ключевые международные военно-политические кризисы современности интерпретируются сквозь призму приоритета права народов на самоопределение. Для внутреннего права многонациональных государств, таких как Россия, обоснование правосубъектности народа позволит консолидировать политические воли различных этносов, наций и пр. и укрепить полномочия внутри страны.

Цель

Основной целью работы является обоснование правосубъектности народа как обладателя установленных законом мер поведения и участника урегулированных нормами права общественных отношений.

Результаты

Важность воли народа была отмечена еще в Средневековье. Так, Д. Понетт в XVI в. писал: «...короли, принцы и правители получают власть от народа» [4, с. 46]. А в начале XX в. ключевую роль народа подчеркивал Р. Челлен: «Без народа мы еще в меньшей степени, чем без территории, можем мыслить государство... Государство неразрывно связано со своим народом, ... составляет одно целое с ним, а земля сама по себе не созидает народа» [5, с. 150]. Однако политические реалии того времени были иными. Например, в течение всей истории царской России правовые проблемы признания народной воли, формализованной через институты прямой демократии, обуславливались в целом деспотичностью российского самодержавия, основанного на нераздельности светской и церковной власти, опорой общества на традиционные ценности и элитарность либеральной идеологии [6, с. 5].

В советской России впервые на конституционном уровне была провозглашена волеустанавливающая роль советского народа. В ст. 2 Конституции СССР 1977 г. закреплялось, что «вся власть в СССР принадлежит народу» [7]. Конституция РФ, закрепляя народовластие в ст. 3, указала на функциональную роль народа как носителя суверенитета; единственного источника власти; субъекта, осуществляющего власть (властвующего); субъекта, поручающего осуществление власти иным структурам. Это позволило значительно расширить возможности населения принимать участие в управлении государством и решении общественных задачи,

повысить политическую активность граждан в их участии в законотворчестве и высших государственных учреждениях.

В Конституции РФ термин «народ» употребляется десять раз. В сочетании с понятием «многонациональный» Конституция РФ определяет народ в качестве субъекта конституционного нормотворчества (преамбула), носителя суверенитета и единственного источника власти (ст. 3). Самоидентификация народа осуществляется посредством права на самоопределение (ч. 3 ст. 5). Материальной основой жизни и деятельности выступает природоресурсная база, которая принадлежит народу (ч. 4 ст. 9). Духовная связь и преемственность определяется правом народа на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68). Государство обязано гарантировать права коренных малочисленных народов (ст. 69). И, наконец, в соответствии со ст. 82 Конституции РФ Президент РФ приносит присягу именно народу, обязуясь верно служить ему.

Системный подход позволяет говорить о широком и узком смыслах понятия «народ» [8, с. 89]. В широком смысле народ – это совокупность людей, проживающих на территории одного государства, связанных с ним через гражданство (подданство), а также имеющих общность интересов. В узком смысле под народом понимают общность людей одной национальности, имеющих свой родной язык, обычаи и традиции. Таким образом, условный «водораздел» между аспектами одного понятия можно провести посредством национально-культурного критерия.

Безусловно, проблема определения понятия «народ», его признаков и особенностей – важная научная проблема, которую еще предстоит решить. Однако в контексте народовластия вопрос следует ставить иначе: является ли народ не только источником власти, но и субъектом властеотношений и субъектом конституционных правоотношений? Это фундаментальная научная проблема, которую впервые ученые поставили еще в советский период, однако до настоящего времени теоретического осмысления ни на субстанциональном уровне, ни на функционально-институциональном она не имеет.

Поиск правильного решения закономерно требует ответов на многие фундаментальные вопросы, например: выяснение социально-правовой природы и причинного состава многонационального народа; определение понятия и содержания рассматриваемой категории; соотношение понятий «народ», «нация», «народность», «этнос», «этническая общность», «класс» и пр. Существуют и смежные проблемы, без которых исследование конституционного статуса народа

будет неполным, например: вопрос о составе правового статуса и объеме правосубъектности; проблема общерегулятивных правоотношений, складывающихся в публичном праве; проблема пределов осуществления государственной власти и др. Остановимся на некоторых из них.

Народовластие принадлежит высшая ступень в иерархии конституционных ценностей, оно формализует через законодательство волю народа в качестве источника, единственной предпосылки государственной власти и государственной деятельности. Воля народа, отражая потребности людей в организации, обеспечивается посредством власти, становясь целью деятельности конституционных правоотношений.

В подтверждение сказанного обратимся к основам логической семантики. Власть народа (или народовластие) – такая единица грамматики, в которой соотношение полных, самостоятельных слов «власть» и «народ» соотносятся следующим образом. Подчинительная связь в словосочетании «власть народа» указывает на функциональную роль и значение этих взаимозависимых языковых единиц. Двусторонняя зависимость в рассматриваемом словосочетании проявляется как отношение между терминами «власть» и «народ», выражающее значение несогласованного определения. Так, функциональная роль термина «власть» определяется как вспомогательный понятийный формообразующий элемент по отношению к народу: «власть кого?» (ради кого?) – «народа» (ради народа). Элемент «власть» указывает на конкретную форму объективации материальной субстанции – народ. Народ выступает, соответственно, как субъект властеотношений. Поэтому целеполагающее значение слова «народ» показывает, что все то, что фиксирует термин «власть», совершается народом.

Таким образом, в словосочетании «власть народа», слова соотносятся как определяемое и определяющее, где первому принадлежит «власть», а определяющим выступает «народ». Это означает, что в причинно-следственной зависимости этих категорий роль народа выражается в том, что он – основное и важнейшее условие существования публичной власти. Именно материальная субстанция – народ – обладает социальными, духовными свойствами, формирующими у подвластных потребность подчинения.

Следовательно, власть народа, в отличие от прочих конституционных ценностей, представляет собой не простую конкретизацию, а существенную предпосылку, юридическую возможность существования государства. Это состояние обуславливает предваряющую и предшествующую правопорядку и законности

организацию публичной власти [9, т. 1. с. 195]. Следовательно, власть народа следует рассматривать в качестве ближайшей предпосылки формирования государства. Государство, в свою очередь, выступает инструментом воплощения интересов народа, его суверенной воли.

Исходя из определяющей конституционной роли, которая отводится народу в установлении государственной власти, российская юридическая наука все же по-разному относится к определению его статуса. Ряд ученых, признавая волю народа в качестве государствообразующей, отрицают какую бы то ни было правосубъектность любых социальных общностей, в том числе и народа [10, с. 96], иное означало бы признание народа не только источником, но и субъектом властеотношений, обладающим конституционной правосубъектностью.

Одни сторонники данного подхода считают фиктивным непосредственное осуществление власти народом и его суверенитет. В частности, авторитетный конституционалист В. А. Четвернин полагает, что если суверенитетом обладает народ, то в этом случае государство и народ совпадают, либо государственный и народный суверенитет – суть разные явления. В последнем случае народный суверенитет легко можно использовать как средство политической манипуляции на выборах [11, с. 48].

Другие сторонники данного подхода (например В. Т. Кабышев, О. О. Миронов, А. В. Мицкевич и др.) полагают, что народ не обладает качествами субъекта конституционного права и является неким сакральным образованием. Они пишут, что «признание народа субъектом права ведет к принижению его социальной роли, ограничению ее правовыми рамками, умалению его суверенитета» [12, с. 41]. Однако суверенитет – это качество конкретной власти, которая принадлежит конкретному субъекту. Если нет субъекта, то нет и не может быть соответствующей суверенной власти. Если признать народ «сакральным образованием», то в этом случае его значение для практики сводится к нулю.

Полагаем, что подход с идеалистических позиций к каким бы то ни было субъектам (будь то государство или народ) не укладывается в концепцию современного правопонимания. К тому же Конституция РФ относит народ к числу конституционных личностей. Не разделяя в целом позиции об отсутствии правосубъектности народа, согласимся лишь с тем, что идентифицировать принадлежность народного суверенитета субъекту – народу, который, обладая им, совершает юридически значимые действия, – сложно. Поэтому преобладающим среди ученых является отношение к народу как к особому субъекту

конституционного права, осуществляющему свои права через государство и его органы и лишь иногда выступающему самостоятельно в конституционных правоотношениях.

Это обстоятельство во многом обусловило многообразие подходов к объяснению содержания и выражения правосубъектности народа. Одни признают либо группы временного характера (например, группы избирателей, осуществляющих народную законодательную инициативу [13, с. 5]), либо в целом многонациональный народ государства [14, с. 17], либо предлагают ставить вопрос о конституционной правосубъектности этнических общностей [15, с. 356], этническое самосознание которых создает основу для персонификации этноса и его способности вырабатывать, выражать и осуществлять единую персонифицированную волю [16, с. 46].

Полагаем, что нации и народы справедливо относить к особому правовому феномену, который предлагается именовать «метаправовым субъектом». Признаки таких субъектов заключаются в том, что они, во-первых, не являются непосредственными участниками правовых отношений, свои интересы осуществляют через других (правовых) лиц; во-вторых, это не учреждения, организации, а, прежде всего, духовно-правовые общности людей, что принципиально отличает их от любых субъектов права; в-третьих, они как метаправовые субъекты – продукт правовой коммуникации, результат взаимодействия людей, выражающийся в достигнутом единстве правового сознания; в-четвертых, они выполняют системообразующую функцию в современных правовых системах (являющихся, по сути, национально-правовыми), выступая основанием их целостности, формируя их единое «правовое поле»; в-пятых, они в современных демократиях выполняют особую политико-идеологическую функцию, им приписываются качества носителя суверенитета, источника власти и т.д. [3, с. 7].

Последний признак позволяет ставить вопрос о правосубъектности народа. Суть правосубъектности заключается в том, что она определяет те юридически значимые характеристики, наличие которых делает конкретное лицо обладателем того или иного правового положения и позволяет ему быть в рамках правового регулирования. Правосубъектность следует представлять в виде своеобразного «буфера» между реальным лицом и статусом субъекта права. Она является правовой конструкцией, отражающей состав юридических фактов, наличие которых позволяет конкретному лицу (или вынуждает его) выступить в качестве обладателя соответствующего правового положения.

В юридической литературе выделяют исключительную, абсолютную (универсальную), общую, ограниченную и специальную конституционную правосубъектность. Термин «исключительная правосубъектность» употребляется применительно к характеристике народа как субъекта конституционно-правовых отношений, поскольку только народ выступает первоисточником всех прав и обязанностей, а само право является государственным выражением воли народа [17, с. 31].

Первичным элементом правосубъектности выступает правоспособность, которая предполагает наличие субъекта права и закрепленной за ним нормой права мера поведения, а под конституционной дееспособностью понимается способность субъекта своими действиями приобретать и осуществлять конституционные права, а также исполнять конституционные обязанности [18, с. 398]. Право- и дееспособность образуют правосубъектность.

Поскольку народ имеет особый статус [19, с. 290], отличный от правового статуса личности, коллектива, государства, то в его структуре право- и дееспособность не всегда четко проявляются. Опираясь на конструкцию усеченной правоспособности, исследователи статуса народа часто говорят только о правах народа: праве на существование, на самоназвание (этноним), на мир, на неотъемлемый суверенитет над естественными богатствами, о праве на самоопределение [20, с. 40]. Это объясняется еще и тем, что основное проявление правоспособности следует относить не к осуществлению, а к приобретению определенного права, т.е. через наличие прав и свобод [21, с. 10].

Обязанности народа менее выражены. Они конструируются в форме запрета «не нарушать», реализуются в пассивной форме и вне конкретных правоотношений. Имеются примеры и более конкретного закрепления недопустимости нарушать права других субъектов при осуществлении прав народа. Пункт 2 ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [22], п. 2 ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах [23], а также Преамбула Декларации о предоставлении независимости колониальным странам предписывают народам распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права [24, с. 99].

Думается, конституционная правосубъектность народа может быть реализована в рамках конкретных правоотношений и вне их. В кон-

кретных правоотношениях реализуются прежде всего права народа. Реализуя свои права, народ участвует в организации и осуществлении власти через референдум и выборы, народную инициативу, петиции, конституционные жалобы, собрания, митинги, шествия, пикеты, забастовки, институт присяжных заседателей и др. В этой связи правоотношения, возникающие между народом и государством, носят длящийся бессрочный характер.

Вне правоотношений осуществляются права народов на существование и на самоопределение, а также обязанности в форме запретов. Например, запрет на деятельность, направленную на уничтожение, ограничение, причинение иного ущерба правам и свободам иных субъектов и отношениям между ними. Таким образом, народ – это персонифицированная правосубъектная личность.

Однако для выяснения правового статуса важно осмыслить механизм трансформации юридической абстракции в виде статуса субъекта права в конкретную реалью в виде правового положения персонально индивидуализированной личности, являющейся субъектом правоотношения. В процессе выяснения условий и предпосылок такой трансформации в литературе обнаруживается склонность к отождествлению категорий «субъект права» и «субъект правоотношений» [21, с. 10], из чего следует вывод о том, что одно только наличие правоспособности уже позволяет участвовать в правоотношениях. Не вдаваясь в рассмотрение этого суждения, отметим лишь, что в современной правовой теории этот подход признан не оправданным и односторонним, а верным следует считать разграничение данных понятий. Несмотря на их видимое сходство и безусловную органическую взаимосвязь, они не равнозначны. Р. О. Халфина еще в семидесятые годы XX в. отмечала, что понятие «субъект права» шире понятия «субъект правоотношения» [25, с. 36]. Первое означает лицо, потенциально или вообще способное быть участником правоотношения, а второе – реального участника конкретных правоотношений.

Полагаем, что условием трансформации потенции в реальность выступает объем конституционно-правовой правосубъектности в разной степени обладания такими ее элементами, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность [16, с. 50]. Для участия в конкретном правоотношении в дополнение к правоспособности нужна дееспособность.

Дееспособность – это способность лица своими действиями осуществлять права и обязанности [26, с. 70–71]. Реализация народом своей дееспособности через участие в право-

отношениях имеет свою специфику и, следует согласиться с В. А. Симоновым, именно она вызвала у некоторых авторов полное отрицание какой-либо правосубъектности любых не структурированных общностей людей и рассмотрение их лишь в роли участников политических отношений [16, с. 51].

Способ участия народа в правоотношениях определяется тем, в какой форме такое участие происходит – прямой или опосредованной демократии. Если путем выборов, референдума, собраний и сходов избирателей и иных форм прямой демократии, то от имени народа стороной правоотношения выступает народный избирательный корпус, т. е. та ее часть, которую составляют граждане государства и, в зависимости от уровня проведения таких демократических форм, отдельные не-граждане, обладающие активным избирательным правом.

Расширяются и правотворческие возможности народа. Закономерным свидетельством этому является заявление Президента РФ, сделанное в Послании Федеральному собранию РФ в 2013 г. по поводу расширения институтов прямой демократии. Президентское предложение выразилось в необходимости дополнения законодательного процесса еще одной стадией – «нулевого чтения» законопроекта, которую должны проходить все законопроекты (федеральные и местные) и ключевые государственные решения. На этой стадии свою оценку законопроектам должен дать многонациональный народ. В связи с этим началась работа над подготовкой проекта закона «Об общественном контроле» [27].

Следует отметить, что в международном праве давно признана способность народа участвовать в правоотношениях. Т. Н. Нешатаева, в частности, отмечает «наличие международной правосубъектности у наций, представленных в международных отношениях собственной политической организацией» и что народ (нация) участвует в международных правоотношениях именно «как организационно оформленное социальное образование». Выдвигая чрезвычайно важное в методологическом плане положение о том, что «объем правоспособности того или иного субъекта диктуется не столько нормами международного права, сколько реальными международными отношениями», Т. Н. Нешатаева также замечает, что участие народа в этих отношениях «определено целями и потребностями продвижения народа к независимости и самоопределению», поскольку «именно эти цели и определяют объем правового статуса народа (нации), закрепленный в действующем международном праве и, безусловно, находящийся в развитии» [28, с. 85].

Иная ситуация имеет место, если участие в конкретных правоотношениях связано с опосредованными формами демократии, которая выражается в том, что народ передает свое право властвовать, право осуществлять свою власть постоянно и непосредственно другим субъектам.

В таком случае стороной правоотношения от имени народа, выражая его волю, выступают созданные им органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения. Они обладают собственной государственно-правовой правосубъектностью, собственными потребностями и интересами, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могут войти в противоречие с волей народа. При недостаточном уровне развития народовластия и контроля деятельности элементов политической системы со стороны народа такое расхождение способно привести к сверхнормативной самостоятельности публично-властных структур и к ущемлению прав народа (политический субъективизм, популизм и пр.)

Но и в этом случае вопрос о дееспособности народа может быть решен положительно. Поскольку государственная власть производна от власти народа, то государственные и муниципальные органы лишь осуществляют ее от имени народа, но не являются ее носителями. Не могут они претендовать и на суверенность ее осуществления. Следовательно, сам народ вправе оценивать и контролировать эту власть. Институционально это проявляется в формировании и действии таких «народных» органов или «органов гражданского общества», как Общественная палата РФ, различные комиссии при Президенте РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ и др.

В юридической науке обладание дееспособностью обоснованно связывается с деликтоспособностью, т.е. способностью нести юридическую ответственность. Поскольку форм юридической ответственности, где бы эксплицировалась специфика коллективных субъектов и индивидуальной ответственности в рамках коллективной деятельности или социального бытия, не создано, то народ может выступать лишь в качестве потерпевшего. Например, в связи с нарушением права народа на самоопределение народ вправе обратиться в международные правозащитные органы.

Международное право закрепило такую юридическую возможность за всеми народами без всяких «ограничений и условий», в том числе и народами, находящимися в составе «суверенных независимых государств» (коренными малочисленными народами, национальными меньшинствами и пр.), а не за субъектами, име-

ющими конституционно признанный статус или являющихся конституционными единицами, т.е. государствовидными образованиями. В международном праве множество прецедентов, когда народы как самостоятельные субъекты обращались в Международный суд ООН с жалобой на действия правительств в связи с тем, что их статус коренного народа не был официально признан правительствами и что в их отношении ведется политика ассимиляции, в том числе и с помощью силы [29, р. 28]. С юридической точки зрения суть в том, что навязываемая политическая воля одного коллективного субъекта – правительства и/или господствующего общества – отвергается другим коллективным субъектом – народом (этнической общностью, национальным меньшинством и пр.) – с помощью международно-правовых механизмов защиты: любой народ может выбрать, помимо независимости, федеральное соглашение и федеральное устройство, региональную автономию и самоуправление или полную интеграцию. Соответственно, международное право прямо признает народ субъектом правоотношений и обязывает национальные государства признавать конституционно-правовой статус народа, закрепляя в своем законодательстве его права и способы их защиты.

В настоящее время ни о какой коллективной ответственности народа речи не идет. Но в западной литературе все чаще предлагаются конструкции заместительной [30, с. 45], корпоративной [31, р. 210] и солидарной ответственности [32, с. 50], которые в дальнейшем могут стать предпосылкой новых видов коллективной юридической ответственности.

Выводы

В заключение представляется целесообразным акцентировать внимание на ключевых моментах исследования и подвести итоги. С переходом к демократическому правовому государству народ перестал быть только лишь политическим ориентиром, который определяет цель развития страны и направления совершенствования государственной политики. Речь идет об индивидуальном (субъективном) аспекте в содержании рассматриваемого явления. Провозглашение народа источником власти открыло перспективу его исследования как субъекта права, обладающего особым конституционно-правовым статусом.

Ключевой здесь выступает проблема обоснования правосубъектности народа как субъекта публичного права и правоотношений. Анализ законодательства показал, что реализовать свою правосубъектность народ может как в активной, так и в пассивной форме. Однако для

осуществления активных действий народом в отраслевом законодательстве отсутствуют соответствующие механизмы. Кроме того, имеющаяся правовая база недостаточна для совершения народом активных действий для восстановления нарушенных прав. Все это не способствует конкретизации конституционно-правового статуса народа и создает иллюзию того, что действовать как лицо в конкретных правоотношениях народ не способен. Поэтому полагаем, что в настоящее время назрела необходимость концептуального пересмотра места и роли народа в теории права и определения объема, структуры и содержания его правового статуса.

Список литературы

1. *Конева Н. С., Сероус А. В.* Народовластие как конституционная ценность // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Право. 2013. Т. 13, № 3. С. 77–80.
2. *Эбзеев Б. С.* Введение в Конституцию России. М., 2013. 560 с.
3. *Архипов С. И.* Субъект права (теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
4. *Скиннер К.* Государство // Понятие государства в четырех языках : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб. ; М., 2002. С. 12–74.
5. *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М., 2008. 319 с.
6. *Лукьянчикова Л. В.* Развитие институтов прямой демократии в дореволюционной России : историко-правовой аспект // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2010. № 1. С. 5–10.
7. Конституция (Основной закон) СССР от 07.10.1977 (в ред. от 14.03.1990). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Конституция Российской Федерации : Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997. 716 с.
9. Государственное право Германии : в 2 т. / под ред. Й. Изензее, П. Кирххофа. М., 1994. Т. 1. 312 с.
10. *Мишин А. А.* Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. М., 1976. 382 с.
11. Проблемный комментарий к Конституции РФ / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997. 632 с.
12. *Кабышев В. Т., Миронов О. О.* Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 4. С. 36–41.
13. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости / под ред. Б. А. Стародубского и В. Е. Чиркина. М., 1977. 320 с.
14. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право Российской Федерации. М., 2005. 585 с.
15. *Леушин В. И.* Правовые отношения // Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2000. С. 349–369.
16. *Симонов В. А.* Этническая общность как субъект конституционного права и участник конституционно-правовых отношений (этно-политический аспект) // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. 2010. № 3(24). С. 45–58.
17. *Титова Е. В.* К вопросу о понимании правосубъектности в теории права и конституционном праве // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Право. 2010. Вып. 24. С. 28–34.
18. *Лучин В. О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. 687 с.
19. *Казьмина Е. А.* Правосубъектность народа Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 290–292.
20. *Юрьев С. С.* Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2000. 368 с.
21. *Кистенев К. И.* Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
22. Международный Пакт о социально-экономических и культурных правах от 16.12. 1966 г. // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17(1831), ст. 292.
23. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16.12. 1966 г. // Ведомости ВС СССР, 1976. № 17 (1831), ст. 291.
24. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г. // Международные акты о правах человека : сб. документов. М., 2000. С. 99–100.
25. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношениях. М., 1974. 340 с.
26. *Алексеев С. С.* Право : азбука, теория, философия : опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
27. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2013 г. // Российская газета : [сайт]. URL: <http://www.rg.ru / 2013/12/12/poslanie.html> (дата обращения: 06.08.2014).
28. *Нешатаева Т. Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. 243 с.
29. Violations of Other Fundamental Rights Associated with Slavery // UN Documents / E CN 4. Sub.2 /1992/33/ 55 p.
30. *Яснерс К.* Вопрос о виновности : О политической ответственности Германии. М., 1999. 146 с.
31. *French P.* The corporation as a moral person // American Philosophical Quarterly. 1999. № 16 (3). P. 207–215.
32. *Апель К. О.* Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // Философия без границ : сб. ст. : в 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 47–67.

To the Question of the Legal Status of People

T. A. Duraev

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: taulan-d@yandex.ru

N. V. Tumeneva

Saratov State University,
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: tumeneva82@mail.ru

Introduction. Stable development of Russia as a multinational democratic state requires consideration not only of the characteristics of a nation as a historical and cultural community of people living on the same territory, and the determination of its constitutional-legal status as a subject of Vlastnosti. **Purpose.** The main aim of this work is the justification of the legal personality of the people as the owner of statutory measures of behavior and participant regulated by legal norms of social relations. **Results.** The authors considered the scope and content of the exclusive constitutional legal status of the people as a special collective subject. Availability of generic legal capacity allows people not just to be a subject of law, and member of the constitutional legal. In this regard, are considered forms of realization of the constitutional legal status of the people within specific relationships, as well as indirectly, through various socio-political institutions. **Conclusions.** The authors come to the conclusion about the necessity of clarifying the constitutional-legal status of the people. **Key words:** constitutional regulation of ethnic relation, subject of the constitutional law, democracy, people's rights, people constitutional status, people's legal personality.

References

1. Koneva N. S., Serouc A. B. Narodovlastie kak konstitucionnaja cennost [Democracy as a constitutional value]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* [Bulletin of South Ural State University. Ser. Law], 2013, vol. 13, no. 3, pp. 77–80.
2. Ebzeev B. C. *Vvedenie v Konstituciju Rossii* [Introduction to the Constitution of Russia]. Moscow, 2013. 560 p.
3. Arkhipov S. I. *Sub"ekt prava (teoreticheskoe issledovanie): avtoref. dis. d-ra jurid. nauk* [The subject (theoretical study). Dr. legal sci. diss. thesis]. Ekaterinburg, 2005. 46 p.
4. Skinner K. Gosudarstvo [The state]. *Ponjatie gosudarstva v chetyreh jazykah: sb. st. / pod red. O. Harhordina* [The concept of the state in four languages. Ed. by O. Kharkhordin]. St. Petersburg, Moscow, 2002, pp. 12–74.
5. Kjellén R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [The state as a form of life]. Moscow, 2008. 319 p.
6. Lukyanchikova L.V. Razvitie institutov prjamoj demokratii v dorevoljucionnoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt [The development of institutions of direct democracy in pre-revolutionary Russia: historical and legal aspects]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Politologija* [Bulletin scientific journal of People's Friendship University of Russia. Ser. Political Science], 2010, no. 1, pp. 5–10.
7. *Konstitucija (Osnovnoj zakon) SSSR ot 07.10.1977 (v red. ot 14.03.1990)* (Constitution (fundamental law) of the USSR from 07.10.1977 (as amended from 14.03.1990)). Available at: <http://www.garant.ru> (accessed 5 September 2014).
8. *Konstitucija Rossijskoj Federacii: Nauchno-prakticheskij kommentarij*. Pod red. B. N. Topornina [The Constitution of the Russian Federation: Scientific and practical commentary. Ed. by B.N. Topornin]. Moscow, 1997. 716 p.
9. *Gosudarstvennoe pravo Germanii: v 2 t.* Pod red. J. Izenzee, P. Kirhhofa. [State law Germany: in 2 vol. Ed. by Th. Isensee, P. Kirchhof]. Moscow, 1994. Vol. 1. 312 p.
10. Mishin A. A. *Gosudarstvennoe pravo burzhuznyh stran i stran, osvobodivshijsja ot kolonial'noj zavisimosti* [State law bourgeois countries and countries liberated from colonial dependence]. Moscow, 1976. 382 p.
11. *Problemnyj kommentarij k Konstitucii RF*. Otv. red. V. A. Chetvernin [Problematic commentary on the Constitution of the Russian Federation. Resp. ed. V. A. Chetvernin]. Moscow, 1997. 632 p.
12. Kabyshev V. T., Mironov O. O. Kategorija «narod» v sovetskom konstitucionnom zakonodatel'stve [The category «people» in the Soviet constitutional legislation]. *Pravovedenie* [Law], 1969, no. 4, pp. 36–41.
13. *Gosudarstvennoe pravo burzhuznyh stran i stran, osvobodivshijsja ot kolonial'noj zavisimosti*. Pod red. B. A. Starodubskogo i V. E. Chirkina [State law bourgeois countries and countries liberated from colonial dependence. Ed. by B. A. Starodub and C. E. Chirkina]. Moscow, 1977. 320 p.
14. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, 2005. 585 p.
15. Leushin V. I. Pravovye otnoshenija [Legal relations]. *Teorija gosudarstva i prava*. Pod red. V. M. Korel'skogo, V. D. Perevalova [Theory of state and law. Ed. by C. M. Korelsky, C. D. Perevalov]. Moscow, 2000. pp. 349–369.
16. Simonov V. A. Jetnicheskaja obshhnost' kak sub"ekt konstitucionnogo prava i uchastnik konstitucionno-pravovyh otnoshenij (jetno-politicheskij aspekt) [Ethnic

- community as the subject of constitutional law and member of the constitutional-legal relations (ethno-political aspect)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*. [Communications of Omsk University. Ser. Law], 2010, no. 3 (24), pp. 45–58.
17. Titova E. V. K voprosu o ponimanii pravosub[”]ektnosti v teorii prava i konstitucionnom prave [Century To the issue of understanding personality in the theory of law and constitutional law]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Law], 2010, iss. 24, pp. 28–34.
 18. Luchin V.O. *Konstitucija Rossijskoj Federacii. Problemy realizacii* [Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation]. Moscow, 2002. 687 p.
 19. Kaz'mina E. A. Pravosub[”]ektnost' naroda Rossijskoj Federacii [Personality of the people of the Russian Federation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture, education], 2011, no. 4 (29), pp. 290–292.
 20. Jur'ev S. S. *Pravovoj status nacional'nyh men'shinstv (teoretiko-pravovye aspekty)* [Legal status of national minorities (theoretical and legal aspects)]. Moscow, 2000. 368 p.
 21. Kistenev K. I. *Sistema sub[”]ektov rossijskogo prava v uslovijah rynochnyh otnoshenij: avtoref. dis. kand. jurid. nauk* [The subjects of the Russian Federation in the conditions of market relations. Cand. legal sci. diss. thesis]. Saratov, 2011. 26 p.
 22. *Mezhdunarodnyj Pakt o social'no-jekonomicheskikh i kul'turnyh pravah ot 16 dekabrja 1966 g.* [The international Covenant on economic, social and cultural rights from 16 December 1966]. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1976, no. 17 (1831), art. 292.
 23. *Mezhdunarodnyj Pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah ot 16 dekabria 1966 g.* [The international Covenant on civil and political rights from 16 December 1966]. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1976, no. 17 (1831), art. 291.
 24. Deklaracija o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nym stranam i narodam (prinjata rezoljuciej 1514 (XV) General'noj Assamblei OON ot 14 dekabrja 1960 g. [The Declaration on the granting of independence to colonial countries and peoples (adopted by resolution 1514 (XV) of the General Assembly of the United Nations on 14 December 1960)]. *Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka: sb. dokumentov*. [International acts on human rights: a collection of documents]. Moscow, 2000, pp. 99–100.
 25. Halfina R. O. *Obshee uchenie o pravootnoshenijah* [Total teaching about relationships]. Moscow, 1874. 340 p.
 26. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka, teorija, filosofija: opyt kompleksnogo issledovanija* [Right: ABC, theory, philosophy: the experience of integrated research]. Moscow, 1999. 712 p.
 27. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF ot 12 decabria 2013 g. (Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 12 December 2013). *Rossiiskaya gazeta* (Russian newspaper. Site). Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (accessed 6 August 2014).
 28. Neshataeva T. N. *Mezhdunarodnye organizacii i pravo. Nove tendencii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii* [International organization and law. New trends in the international legal regulation]. Moscow, 1998, 243 p.
 29. Violations of Other Fundamental Rights Associated with Slavery. *UN Documents*. E CN 4. Sub.2/1992/33/ 55 p.
 30. Jaspers K. *Vopros o vinovnosti: O politicheskoi otvetstvennosti Germanii* [The Question of the guilt: On the political responsibility of Germany]. Moscow, 1999. 146 p.
 31. French P. The corporation as a moral person. *American Philosophical Quarterly*, 1999, no. 16 (3), pp. 207–215.
 32. Apel K. O. Ponjatie pervichnoj vzaimootvetstvennosti kak predposylka planetarnoj makrojetiki [The the Concept of primary vzaimoobraschennost as a prerequisite planetary macroetch]. *Filosofija bez granic: sb. st. : v 2 ch.* [Philosophy without borders: in 2 pt.]. Moscow, 2001. Pt. 1, pp. 47–67.